

Тихомиров Владимир Алексеевич. Воевал на «Яке»

Воевал в составе ВВС Краснознаменного Балтийского флота. В официальном списке побед числится 14 самолетов, в том числе, 11 – сбитых лично. После войны служил в 58 ИАП на Дальнем Востоке.

Я родился 14 сентября 1918 года в деревне Измайлово Новоторжковского района Тверской области. После семилетки и ФЗУ работал электромонтером на оборонном заводе в Торжке и одновременно учился в аэроклубе. В 1939 году стал курсантом авиационной школы в Луганске, но после теоретической подготовки, месяца через три, при очередной медкомиссии был отчислен. Дело в том, что в детстве я переболел скарлатиной, и от высокой температуры у меня лопнула барабанная перепонка правого уха, но при поступлении в аэроклуб на это не обратили внимания, а тут ЛОР осмотрел мое ухо и сказал "Товарищ курсант, как вам вообще удалось попасть в авиацию"? Мне предложили остаться в этой же военной школе мотористом. Я отказался и расстроенный уехал в Торжок. Поскольку к тому времени авиация уже сильно задела мою душу, я поступил мотористом в аэроклуб, где учился полетам - все ближе к авиации. К осени 1939 года я уже был авиатехником.

В марте 1940 года, из-за нехватки летного персонала, начальник аэроклуба предложил мне вернуться на летную работу в качестве летчика-инструктора. От такого предложения я не смог отказаться. Повторная медкомиссия, которую я проходил в Калинин, написала, что я допущен к летной работе при наличии положительной характеристики командования. Неделя полетов в первой кабине У-2 (а ученик летал только во второй) - и вот я уже летчик-инструктор Новоторжковского аэроклуба, затем Кимрского, Сызранского и Мелекесского аэроклубов (последние два - результат перебазирования во время войны). В 1942 году на базе нашего отряда была создана 1-я школа пилотов первичного обучения ВВС ВМФ. Я был призван туда на должность летчик-инструктор в звании старший сержант.

В мае месяце 43-го мне присвоили звание младший лейтенант, и в том же месяце я был направлен на курсы командиров звеньев, где и прошел курс обучения полетам и боевого применения на самолете Як-1.

Надо сказать, в то время было две основных системы подготовки - довоенная и во время войны. Первая предполагала обучение в аэроклубе, где проходили первоначальную летную подготовку на У-2, получали достаточные знания по аэродинамике, конструкции самолета, управлению самолетом и самолетовождению. Вторым этапом была летная школа - гражданского воздушного флота или военное авиаучилище. Там летчик проходил обучение на боевых машинах, одиночному и групповому воздушному бою, штурмовке наземных целей и бомбометанию.

После этого лучшие курсанты оставались в училище в качестве инструкторов, а остальные направлялись в строевые части летчиками. Там они проходили окончательную подготовку - полеты в сложных метеоусловиях, слепые полеты, сложную навигацию и т.п.

В военное время курсантов учили по укороченной программе с уменьшенным налетом. Потом их отправляли в ЗАПы или на специальные курсы, где они должны были получить дополнительную подготовку и тогда уже попасть на фронт. Но так было не всегда. Так, в наш полк прибывало пополнение прямо из Ейского училища, минуя ЗАПы.

Мне повезло с учебой, потому что когда я, наконец, попал на фронт, у меня за плечами уже было несколько тысяч летных часов.

Попал я в 12-ю Краснознаменную отдельную истребительную авиаэскадрилью 9-й штурмовой авиадивизии ВВС Краснознаменного Балтийского флота - всю войну основной нашей боевой задачей было сопровождение Ил-2, в основном из 35-го штурмового полка. Вскоре нашу эскадрилью переформировали в 12-й авиаполк.

При формировании 12-го ИАП командиром 2-й эскадрильи был назначен Дмитрий Федорович Петрухин. Он был высококлассным летчиком, принимал участие в Финской войне, был награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами. Проверив меня, он сказал: "Пойдешь со мной".

После нескольких вылетов ведомым меня допустили к ведению звена, и вскоре мне довелось участвовать в своем первом воздушном бою.

Истребители Як-1

Петрухин тогда повел четверку "Яков" на сопровождение пяти штурмовиков, вылетевших на поиск кораблей противника в Финском заливе в районе о-ва Гогланд. Погода была неважная, стояла "кучевка", и командир эскадрильи парой в качестве непосредственного прикрытия шел под самой кромкой облачности, а мне, как ведущему второй пары, приказал идти выше. Во время полета я запрашивал его по радио: может, мне стоило спуститься вниз, но он отвечал отказом. В какой-то момент в облаках показался разрыв - внизу я увидел, как одиночный "мессершмитт" атаковал самолет Петрухина, и тот стал падать с сильным шлейфом то ли дыма, то ли пара. Вражеский истребитель вышел из атаки горкой и направился как раз в разрыв облаков, поскольку я сразу атаковал его сзади-сверху. Он выскочил в нескольких десятках метров прямо передо мной, мы

зависли в воздухе, и мне оставалось только нажать гашетки. От моей очереди за ним потянулась белая полоса, но ему удалось скрыться в облаках. Что с ним произошло потом, не знаю - после возвращения на аэродром я не стал заявлять о воздушной победе.

Первая воздушная победа была у меня в феврале. Я получил задание четверкой прикрыть наши войска и переправу через реку Нарву. Тогда начались трудные бои с немцами, погода на нашей стороне стояла отвратительная, и никак к этой переправе прорваться не могли, но я прорвался. Вдруг слышу разговор по радио: "Вижу самолет противника!", - а как определишь, где? Стал искать, смотрю: какие-то хлопки - значит, зенитки по кому-то бьют. Подошел поближе и действительно - летит самолет. Как сейчас помню, был это "хейнкель" - двухмоторный бомбардировщик. Летел он совершенно один и без прикрытия. Полетели какие-то бумажки. Я снизу-сзади на первом заходе дал очередь по правому двигателю и увидел, как тот остановился и загорелся. Мои ведомые добились его. После посадки мы узнали, что этот Хе-111 разбрасывал листовки над позициями наших войск - несколько штук застряло на радиаторе у Витьки, и мы их сдали по возвращении.

Самый трудный вылет был у меня в июне, во время наступления против финнов на Карельском перешейке. Тогда мы прикрывали группу "Илов" 35-го полка, атаковавших корабли в Финском заливе, и были перехвачены 18 ФВ-190. Они попытались зайти в атаку сверху-сзади, но мы были начеку и этот наскок отбили, а один "фокке-вульф" был подбит стрелками. Три или четыре раза я сходил в лобовой атаке с одним из "фокке-вульфов". В последний раз мы разошлись с ним в самую распоследнюю секунду - он прошел у меня над головой. У меня в груди все отлегло, как с того света вернулся - ведь мы почти столкнулись!

Где-то в июне-июле месяце нашу штурмовую авиацию стали использовать для разрежения минных полей в Финском заливе и проводили площадное бомбометание. Штурмовикам указывали необходимый квадрат, и они сыпали туда бомбы - срабатывало. Немцы, конечно, противодействовали, и в одном из вылетов (весь полк летал) мы потеряли не только несколько истребителей, но, главное, штурмовиков. После возвращения командир полка Волочнев стал нас обвинять в потере сопровождаемых: "Плохо воюете, да как могли потерять?!"

А я как летчик-истребитель могу сказать, что пусть мне надо будет сбить бомбардировщик, а его будут прикрывать десять истребителей, я собью его, если захочу. Я наберу высоту, весь строй прошибу, может, и сам погибну, но его собью. Так и немцы. Они хорошо воевали, у них опыт огромный был - больше, чем наш...

В июле 1944 года наш полк перевооружился на новые истребители - Як-9. Никаких особых формальностей не было - машины поступили, и мы стали летать, поскольку Як-7 и Як-9 были довольно схожи в управлении.

Как бы я сравнил эти истребители? Як-7 был хорошим истребителем, разве что вооружение было слабовато, а вот Як-9 был по-настоящему хорош - быстрый, маневренный. На Як-7б обзор назад был плох, а на "девятом" стоял каплевидный фонарь, видимость через который была превосходная. Были у нас и "семерки" без гаргрота. Надежность обеих машин была приличная, хотя иногда, по недосмотру, мотор М-105 перегревали, и он выходил из строя.

Баки на 7-м и 9-м были одинаковые, переделок топливной системы в части мы не делали. Среднее полетное время было полтора часа, но опытные летчики летали и дольше, если, конечно, обходилось без воздушных боев. Меньше топлива было у Як-3, но он и весил-то - как современная легковая машина. Бензин заливали не ниже 92-го. Вооружения было достаточно. Я никогда не

стрелял дальше, чем со ста метров, а на такой дистанции пробивалась любая броня. Стреляли короткими очередями, у нас стояла прекрасная пушка - ШВАК. Хотя, пожалуй, крупнокалиберный пулемет УБС был еще лучше, а их у нас на Як-9 было два!

Еще у нас были Як-9 с 37-мм авиапушкой - довольно тяжелые для боя истребители. На такой машине я одержал две воздушные победы. Максимум в очереди можно было выпустить 3-4 снаряда из-за сильного разброса, да и ствол пушки перегревался. Боекомплект к ней был 28 снарядов.

- Я слышал, за воздушные победы полагались деньги?

- Да. Если было подтверждение на победу, тогда полагалась премия. И за сбитый самолет, и за боевые вылеты. Но, конечно, это ничего не значило для нас. Все перечисляли деньги в Фонд Обороны, чтобы помочь в борьбе с врагом.

- Были в полку самолеты с дарственными надписями?

- В нашем полку был только один такой самолет - Як-9 "Красная Осетия".

- Вы верите в высокие счета немецких летчиков-истребителей?

- Сложный вопрос. Был один Ил-2, который садился на вынужденную посадку 11 раз. Немцы наверняка записывали его себе как воздушную победу, раз он был сбит, но штурмовик восстанавливали на следующий день, и он летал, а числился поврежденным в бою. Хотя, конечно, привирали все. Может, не целенаправленно, сложно просто в бою за сбитыми следить, тут главное боеспособного не упустить, а то пока рассматриваешь, тебе сзади и выдадут.

- Что Вы думаете в войне?

- Ты знаешь, я счастлив, что у меня был шанс защищать Родину, и я рад, что смог выполнить долг до конца. Да, я убивал, и учил убивать, но об этом хорошо сказал один летчик-штурмовик, я могу полностью присоединиться к этим словам: «Это было самое счастливое и горькое время. Горькое, потому что было много зла и горя, а счастливое - потому, что я делал то, что должен был делать! Никаких планов, ценилась только победа, у меня были настоящие друзья, большинство из них уже умерли. Тогда мы знали, за что бьемся, и почему. Для тех, кто воюет, война - это испытание: из какого теста они сделаны. Она дает тебе опыт, который ты больше нигде не получишь. Для мирных жителей война - это ад, а для солдата - тяжелая, грязная и опасная работа... Когда война заканчивается, гражданские люди начинают говорить разное о том, что делали солдаты. Что-то не имеет оправдания, но все это надо оставить войне. Мои руки по локоть в крови, но я горжусь тем, что я делал, и если бы довелось, повторил бы все, не задумываясь».

Вот почему я не могу смотреть американские фильмы про войну. Ни русские, ни немцы никогда не были кретинами, как их пытаются изобразить. Не американцы выиграли эту войну - они воевали с Японией, но не с немцами. Ту войну выиграли они, а нашу - мы.

Молодым бы я сказал так: храните мир, во время войны не задумывайтесь, воюйте, но будьте людьми, а не зверьем, а когда война закончится - остановитесь, не таите злобы, прощайте, но ничего не забывайте!